

УДК 82: 94(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-89-111

Отцы и дети в литературе и повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в.

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет о взаимоотношениях отцов и детей на страницах литературных произведений и в повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в. Взаимоотношения отцов и детей рассматриваются на примерах двух семей – семей декабристов П.И. Пестеля и С.И. Муравьева-Апостола. Делается вывод о том, что в этих семьях между родителями и детьми существовал серьезный мировоззренческий конфликт. Литература же этой эпохи не смогла этот конфликт увидеть и описать, традиционно продолжая считать детей лишь исполнителями наставлений родителей.

Ключевые слова: отцы и дети, декабристы, И.Б. Пестель, П.И. Пестель, И.М. Муравьев-Апостол, С.И. Муравьев-Апостол

Для цитирования: Киянская О.И. Отцы и дети в литературе и повседневной жизни конца XVIII – начала XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 89–111. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-89-111

Fathers and children in literature and everyday life of the late 18th – early 19th century

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article refers to the relationship between fathers and children on the pages of literary works and in everyday life in the late 18th – early 19th centuries. The relationship between fathers and children is considered on the examples of two families – the families of Decembrists P.I. Pestel and

---

© Киянская О.И., 2024

S.I. Muravyov-Apostol. It is concluded that in those families there was a serious worldview conflict between parents and children. The literature of that epoch failed to see and describe the conflict, traditionally continuing to consider children as mere executors of their parents' instructions.

Keywords: fathers and children, Decembrists, Ivan Pestel, Pavel Pestel, Ivan Muravyev-Apostol, Sergei Muravyev-Apostol

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2024), "Fathers and children in literature and everyday life of the late 18th – early 19th century", *RSUH/RGGU Bulletin*, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", no. 9, pp. 89–111, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-89-111

Не надобно другого образца,
Когда в глазах – пример отца.
А.С. Грибоедов. Горе от ума

Тема воспитания дворянина, пришедшая в Россию из европейского классицизма и французского Просвещения, прочно завоевала страницы литературных произведений конца XVIII – начала XIX в. Руссоистские представления об изначальной доброте человека и о том, что от родителей и воспитателей зависит, каким человек будет во взрослом возрасте, адаптировались к русским реалиям. На эту тему высказывались многие отечественные литераторы. Николай Карамзин, например, вопрошал:

Могут ли ничтожные светские забавы сравняться с нежными чувствами супруга и родителя, который, дав жизнь детям, дает им и мысли и чувства; ежедневно видит развитие души их, веселится ими как своею милою собственностью и готовит свету украшенные нравственные образы самого себя?

Карамзин был уверен, что воспитание детей «есть и долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных сынов отечества». «Нежный отец семейства», – по мнению автора «Бедной Лизы», – есть всегда нежный сын отечества, с судьбою которого соединена участь детей его. Наконец скажем, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы».

В итоге, по Карамзину, выгоду получит и государство, и «нежный отец»: от детей он дождется любви и благодарности», что будет составлять для него «главное удовольствие в жизни»¹.

¹ *Карамзин Н.М.* Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. № 12. С. 326–327.

Большинство писателей, публицистов, и, так сказать, родителей-практиков были согласны с Карамзиным в определении детей как «нежной собственности» родителей. Александр Радищев, утверждавший в «Путешествии из Петербурга в Москву», что дети – не собственность родителей и, более того, ничего им не должны, поскольку не просили себя рожать и воспитывать, остался в явном меньшинстве². Необходимость и родительских наставлений как таковых, и исполнение этих наставлений детьми – стали общим местом в литературе и публицистике 1810–1820-х гг. Так, например, в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год была опубликована «аллегория» Федора Глинки «Прохожий»:

Отец престарелый завел мимоходом сына-юношу на большой дороге в гостиницу. «Потерпи здесь, – сказал он сыну, – веди себя порядочно, а я, погодя, найду за тобою; если ты не сделаешь *худого*, мы придем в *хорошее* место». Притом отец вверил сыну кроткую *горлицу* и белого воска *свечу* с фонарем надежным. И был такой завет от отца: «береги, дитя, эту горлицу, как зеницу своего ока, и не давай никому гасить свечи, от меня зажженной...».

Сын долго берег горлицу и свечу несмотря на то, что злые люди пытались сгубить его невинную *горлицу*, и с громким хохотом махали нечистыми одеждами, чтобы загасить его *заветную свечу*.

Когда же вернулся отец, то он похвалил сына за терпение и повел его в *лучшее место*... После старцы, передавая внукам сие предание, толковали так: что невинная горлица – есть наша *чистая совесть*, а свеча в фонаре – наш *здравый рассудок*³.

А поэт-декабрист Кондратий Рылеев в думе «Волынский» (1822 г.) требовал от отцов гражданских наставлений сыновьям:

Отец семейства! Приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!⁴

Описания отцовских наставлений принимали порой комические формы – как, например, в «Горе от ума» Грибоедова. Отец гри-

² Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.: Наука, 1992. С. 49, 56.

³ Глинка Ф.Н. Прохожий // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 427–428.

⁴ Рылеев К.Ф. Думы. М.: Наука, 1975. С. 87.

боедовского Молчалина, как известно, завещал сыну угождать всем окружающим, включая «собаку дворника» – «чтоб ласкова была»⁵.

Литературно-публицистическая традиция подразумевала, что сыновья безусловно станут следовать заветам отцов: в этом видели залог будущей счастливой жизни детей. Подобно тому, как сын в притче Глинка сохранил завещанные ему отцом чистую совесть и здравый рассудок, сын в думе «Волынский» обязательно должен был стать правильным гражданином, ну а Молчалин имел хороший шанс дойти по карьерной лестнице «до степеней известных».

Естественно, дети далеко не всегда были послушны, став взрослыми, не всегда следовали нравоучениям, могли промотать отцовское состояние и т. п. В таком случае на помощь приходил евангельский сюжет о блудном сыне:

Так отрок библии, <безумный> расточитель,
 До капли истощив раскаянья фиал,
 Увидев наконец родимую обитель,
 Главой поник и зарыдал⁶.

* * *

Среди детей сановников времен Екатерины Великой, Павла I и Александра I оказались декабристы. Власть высказалась однозначно: и в восстаниях конца 1825 г., и в предшествовавших им событиях император обнаружил немалую вину родителей.

Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, – недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – гибель. Тщетны будут все усилия, все жертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам, – гласил императорский манифест от 13 июля 1826 г., посвященный вынесению приговора осужденным⁷.

В исторической реальности, однако, дела обстояли гораздо сложнее: в «праздности ума», безнравственности и «полупознаниях»

⁵ Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Наука, 1988. С. 127.

⁶ Пушкин А.С. Воспоминания в Царском Селе: («Воспоминаньями смущенный...») // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 189.

⁷ [Манифест от 13 июля 1826 г.] // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 252.

декабристов, по крайней мере их лидеров, обвинить сложно. Для характеристики взаимоотношений отцов и детей в данном случае акцент будет сделан на повседневной истории двух семей: Пестелей и Муравьевых-Апостолов.

Несмотря на то что отцы декабристов были почти ровесниками, принадлежали к одному поколению и закончили свои карьеры в одинаковом чине – высоком чине тайного советника, равном генерал-лейтенанту в армии – и по характеру, и по роду деятельности они были абсолютно разными людьми.

Иван Борисович Пестель (1765–1843) – крупный чиновник-бюрократ конца XVIII – начала XIX в. Происходивший из обрусевшей немецкой семьи, служить он стал в правление Екатерины II, и при ней же дошел «до степеней известных». В 1789 г., 24 лет от роду, он стал московским почт-директором, зарекомендовав себя как верный слуга государыни. Он вскрывал, в частности, переписку московских масонов; эти перлюстрированные послания впоследствии стали одним из факторов, приведших к аресту Николая Новикова⁸.

9 лет спустя, уже при Павле I, Иван Пестель назначен почт-директором в столице, членом, а вскоре и президентом Главного почтового правления России. Однако за два года до смерти императора Пестель попал в опалу и получил отставку. После же убийства Павла его карьера поправилась. Он стал сенатором, в 1806 г. был назначен генерал-губернатором Сибири, в 1816 г. – членом Государственного совета, участвовал и в деятельности нескольких созданных императором комитетов.

Сибирское генерал-губернаторство было вершиной, и в то же время неоднозначным этапом карьеры Пестеля-старшего: большую часть генерал-губернаторского срока он не покидал Петербурга, приобретая покровителей и участвуя в придворных интригах. Злоязычный мемуарист Филипп Вигель писал, что само «имя» Ивана Пестеля «напоминает моровую язву», а «сам он был продолжительным бедствием в Сибири». Он утверждал:

Этот человек любил зло, как стихию, без которой он дышать не может, как рыба любит воду... В другом государстве был бы он повешен. Над преступным сыном его <П.И. Пестелем> свершилась впоследствии сия праведная казнь, которую, может быть, он гораздо более его заслуживал⁹.

---

⁸ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. Т. 2. С. 204–205.

⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Т. 1. С. 395–396.

В 1819 г. он был отставлен от генерал-губернаторской должности, а три года спустя потерял и остальные свои посты. Иван Пестель был женат на близкой родственнице, Елизавете Ивановне, урожденной Крок. В семье было четверо сыновей: Павел, Борис, Владимир и Александр, и дочь Софья. Иван Матвеевич Муравьев (1762–1851, с 1801 г. – Муравьев-Апостол) происходил из известной с XV в. семьи Муравьевых, а по материнской линии приходился правнуком украинскому гетману Даниилу Апостолу. Иван Муравьев-Апостол был дипломатом и писателем, а среди современников слыл «либеральствующим аристократом»¹⁰. В начале 1790-х гг. его пригласили ко двору императрицы Екатерины II, он стал воспитателем великого князя Константина Павловича. После воцарения Павла Муравьев стал дипломатом: представлял Россию в Нижнесаксонском округе, был посланником в Копенгагене.

В 1800 г. 32-летний Иван Матвеевич вернулся в Россию, стал вице-президентом Иностранной коллегии. Новый император, Александр I, благоволил к нему: Муравьев-Апостол получил пост посланника в Мадриде. В 1805 г. Иван Матвеевич оставил этот пост и 19 лет пробыл в опале, причины которой до конца не ясны. Карьера его поправилась в 1824 г.: он стал сенатором и членом Главного правления училищ, занимавшимся формированием государственной политики в области образования. Сенаторский пост он занимал до 1847 г.

Иван Муравьев-Апостол был известным литератором: публицистом, поэтом и переводчиком античных авторов. О нем вспоминали как о человеке, обладавшем «изумительным разнообразием знаний», имевшим «навык к труду кабинетному, способность к развитию плодов его в жизни высшего круга», который «достигнул завидных успехов в тех науках, которые людям высшего общества доставляют проницательность, богатство идей, глубокомыслие и остроумие»¹¹.

Главную же свою жизненную установку Иван Матвеевич сформулировал в письме к Гавриле Державину в 1811 г.: «Пока живу, хочу наслаждаться»¹². Его жена, Анна Семеновна, урожденная Черноевич, тоже занималась литературным трудом, была

---

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 976.

¹¹ *Плетнев П.А.* Отчет Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (читанный 29 декабря 1851 г.) // Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 2. Стлб. 41–42.

¹² *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. Т. 6. С. 376.

переводчицей: в 1791 г. вышел переведенный ею с французского роман «Пример матерям, или Приключения маркизы де Безир». Она сопровождала мужа в заграничных командировках, а в 1805 г., когда Иван Матвеевич был отозван в Россию, осталась за границей, в Париже, поскольку готовилась к родам. В Париже без мужа, но с семьей детьми она прожила несколько лет, а умерла в марте 1810 г. в Москве, через несколько месяцев после возвращения домой. Кроме троих сыновей – Матвея, Сергея и Ипполита – ставших декабристами, в семье Муравьевых-Апостолов росли четыре дочери: Елизавета, Екатерина, Елена и Анна. Иван Пестель и Иван Муравьев-Апостол были знакомы друг с другом: в 1817 г. сибирский генерал-губернатор помог Муравьеву выиграть дело в Сенате, касающееся наследства его умершего родственника Михаила Апостола. В письме к сыну Павлу генерал-губернатор рассказывал, что, обратившись к помощи всесильного графа Аракчеева, «сумел закончить дело» в пользу своего приятеля.

«Теперь Мур<авьев>-Апостол возносит меня до небес, называя меня благодетелем и спасителем всей его семьи; мне это доставляет удовольствие, поскольку атт<естация> верна», – писал генерал-губернатор¹³.

Следствием выигрыша были права на имение Хомутец Миргородского уезда Полтавской губернии, куда отставной дипломат переехал жить. И Пестель, и Муравьев-Апостол, и их жены – многодетные родители – были уверены, что умеют воспитывать детей. Главное в педагогических установках обеих семей – это патриотизм, которому детей обучали с раннего детства. Иван Пестель объяснял сыновьям, что им следовало «прилежать к учебе и воспитывать свой ум и сердце», приобретать «способности и необходимые познания». Прилежание требовалось постольку, поскольку во взрослой жизни сыновья генерал-губернатора должны были «служить отечеству» – а за это «иметь право ожидать отличий и наград от своего государя»¹⁴.

Согласно отцовским наставлениям, его сыновья, обучаясь с 1805 по 1809 г. в Гамбурге и Саксонии, должны были помнить, что они русские, и любить родину.

«Вы имеете к тому причины по благодеяниям, какие ваши предки снискали здесь с тех пор, как наша семья обосновалась в этой стране. Россия есть наша родина уже более ста лет, наша семья... предана нашей родине (России), надо служить ей со рвением»,

---

¹³ Из бумаг П.И. Пестеля: Семейная переписка // Восстание декабристов: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 140–141.

¹⁴ Там же. С. 35, 40.

«ваш дед родился в России», «я же не только родился в России, но и никогда не выезжал за пределы моей родины», – объяснял Иван Борисович Павлу¹⁵. Те же самые патриотические настроения культивировались и в семье Муравьевых-Апостолов. В «Письмах из Москвы в Нижний Новгород», опубликованных в 1813–1815 гг. в журнале «Сын отечества», Иван Муравьев-Апостол восклицал: «Истинно все чудесно у нас! Какой народ! Какие в нем силы телесные и душевные! Пространство земли нашей – семнадцать миллионов квадратных верст; народонаселение – сорок четыре миллиона, из которых сорок миллионов одним языком говорят, одним крестом крестятся!..»¹⁶

«Письма» наполнены упреками в адрес тех дворян, которые, воспитав детей, с трудом говорящих на родном языке, нашли лучший способ исполнить долг отцовский: мальчика как можно ранее нарядить в офицерский мундир, а девочку как можно скорее вывозить на бал. Два таких поколения, и чего ожидать? – Того, что мы часто видим: русских нерусских», – негодовал повествователь¹⁷. Те же идеи сыновьям внушала мать – несмотря на то что для них, выросших во Франции, французский язык был родным. Возвращаясь домой и пересекая российскую границу, Матвей и Сергей, «преисполненные любви к родине», «кинулись обнимать сторожевого казака»¹⁸. А Матвей, старший сын писателя, размышляя на склоне лет о себе и братьях, утверждал, что все их действия были проникнуты «благоговением» и «любовью к России» [Сокольский 1963, с. 250]. Однако на воспитании патриотизма общность педагогических установок заканчивалась. В «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» Муравьев-Апостол выдвигает целую теорию воспитания молодых дворян. Повествователь – противник раннего вступления дворянских детей в службу.

«Отпускать мальчика в 15 лет на службу для того, чтобы заранее укрепить физические его силы! – Это все равно, что сказать: дабы ускорить созревание плода, должно не давать ему времени созреть – бессмыслица!.. я все еще спрошу: что нужнее Отечеству, богатырь ли телом или богатырь душою? – Если первой нужнее, то нет нам надобности не только в университетах, но даже и в наемниках-французах: купать нас всех в крещенские морозы в прорубах...

¹⁵ Там же. С. 36, 124, 62.

¹⁶ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ *Якушкин В.Е.* Матвей Иванович Муравьев-Апостол. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумага, 1886. С. 154.

и кто выдержит, тот и слуга Отечеству», – публицистически негодовал Иван Матвеевич. Не приветствовал автор «Писем» и занятия дворянских отпрысков математикой. Повествователь-патриот клеймил французов за излишнее увлечение этой наукой: «В этом народе давно сердце высохло; не в состоянии более производить Расинов, он гордится теперь Кондорсетами».

Противопоставляя драматурга Расина математику-философу Кондорсе, повествователь утверждает, что математические науки ведут к «неверию» и – в итоге – «раскрывается... летопись революции, начертанная кровию человеческою»¹⁹. Однако в реальной жизни Иван Матвеевич своих же правил не придерживался. Воспитательный процесс его интересовал чисто теоретически, практическим воспитанием сыновей он не занимался. Старших сыновей он вырастил в Париже, у них, как и положено детям-дворянам, был гувернер-француз, который в 1791 г. «сидел на козлах у короля» Людовика XVI, пытавшегося убежать от революционеров²⁰. Родным для братьев был французский язык, русскому же они начали учиться лишь в подростковом возрасте. Мундиры старшие сыновья Ивана Матвеевича надели почти сразу же после возвращения в Россию. Семнадцатилетний Матвей и пятнадцатилетней Сергей отправились учиться в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, с момента поступления в Институт они считались на действительной службе. Естественно, в институте преподавались прежде всего науки, связанные с математикой. Старший сын Муравьева-Апостола, Матвей, не выдержав сложной программы, бросил институт и определился в гвардию нижним чином, подпрапорщиком. Младшим же сыном, Ипполитом, Иван Матвеевич не занимался совсем: он отдал его на воспитание родственникам. Когда же Ипполит вырос и пришло время определять его в службу, отец отдал его в Училище колонновожатых – сложнейшее военно-математическое учебное заведение, готовившее квартирмейстерских офицеров. Старший Муравьев-Апостол, как и положено либералу и просветителю, не любил льстецов и карьеристов. В «Письмах» можно прочитать, например, удручающую повествователя истину о том, что «чины – единственная цель, в которую метят родители, к которой стремятся юноши».

Повествователь высмеивает тех дворян, кто «взрос и возмужал, полагая все блаженство жизни в том, чтобы достигь до такой степени, на которой любимец счастья отличается от толпы смерт-

---

¹⁹ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 36–37, 40.

²⁰ *Муравьев-Апостол М.И.* О собственном воспитании // Русский архив. 1886. № 2. С. 226.

ных – шитым золотом кафтаном и лентами», и кто «смешивал в понятиях своих *превосходство с превосходительством*»²¹. Однако в реальности «превосходство с превосходительством» Иван Матвеевич смешивал нередко: умел договариваться с начальством, лавировать между, например, стареющей императрицей Екатериной и ее нелюбимым сыном, наследником престола цесаревичем Павлом, между Павлом и нелюбимым им генералиссимусом Александром Суворовым, между враждовавшими друг с другом руководителями российского внешнеполитического ведомства при Павле I Никитой Паниным и Федором Ростопчиным. Вернувшись на службу после опалы, подавая либеральные «мнения» и в Сенате, и в Главном правлении училищ, он, тем не менее, всегда старался ориентироваться на мнение императора [Киянская 2023, с. 58, 68, 78–86].

Отношение к воспитанию детей в семье Пестелей было прагматичным: Иван Борисович публицистических сочинений не писал, педагогические взгляды выражал в не предназначенных для печати письмах, а слова у него не расходились с делом. Математику Иван Борисович тоже не любил – но не потому, что она могла привести к вольномыслию. Размышляя над будущим младшего сына Александра, он не хотел отдавать его в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, поскольку он «есть заведение чистого шарлатанства, где математики поглощают все способности молодых людей»²². Старший же сын, 17-летний Павел, вместе с братом Владимиром был отдан отцом в Пажеский корпус – лучшее военно-учебное заведение России. Там преподавали математические науки, но немалое место в учебных планах отводилось наукам гуманитарным, и в том числе политическим. Старший Пестель не видел ничего плохого в обучении сыновей французскому: в детстве у них тоже был гувернер, немец Зейдель, все дети прекрасно писали и говорили и на французском, и на немецком языках. Кроме того, Павел Пестель владел английским, и эти знания не мешали ему в совершенстве знать русский язык. В детях, кроме патриотизма, воспитывали традиционные для дворянских детей морально-нравственные добродетели: повиновение, законопослушание, религиозность, любовь к знаниям. Отец объяснял сыновьям, что следует «повиноваться своим родителям и наставникам», «воспитывать свой ум и сердце»²³.

Иван Пестель утверждал: «Человек добрый, услужливый, сострадательный к горестям ближних, любезный, может быть уверен,

---

²¹ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 35, 101–102.

²² Из бумаг П.И. Пестеля... С. 155.

²³ Там же. С. 50, 35.

что найдет друзей. Чтобы иметь право ожидать отличий и наград от своего государя, надо начать с того, чтобы сделать себя способным к употреблению на службе своему отечеству полезным образом. Чтобы достигнуть этого, надо приобрести способности и необходимые познания. Тогда наш повелитель употребит их на благо нашего отечества, управление которым доверено ему Всевышним»²⁴.

Генерал-губернатор, как и Иван Матвеевич, «превосходство с превосходительством» смешивал часто, но ничего плохого в этом опять-таки не видел. И сыну Павлу рекомендовал поступать так же: в его наставлениях было немало «молчалинского». Иван Борисович за долгие годы службы сумел найти себе покровителей, и в том числе Аракчеева. Свою придворную ловкость он старался передать Павлу. «Есть очень благородные средства ухаживать за персонами, которые могут быть вам полезными. Этими средствами не следует пренебрегать, мой добрый друг. Служба прежде всего, но маленькие любезности, которые человек чести может себе позволить, не должны оставаться в пренебрежении; чем больше молодой человек, вступающий в свет, имеет значительных знакомств, тем больше он приобретет хороших мнений, даже если его не знают близко», – советовал он старшему сыну²⁵.

Советы часто принимали форму конкретных предложений: «Сегодня министр полиции (Балашов) выехал отсюда, чтобы явиться в Вильну... угождайте ему, если найдете случай представиться гр<афу> Кочубею, вы равным образом хорошо сделаете, если не упустите его, госп<ода> великие князя Николай и Михаил отправляются в Главную квартиру... В случае, если вы окажетесь в том же месте или неподалеку от местопребывания их имп<ераторских> в<ысочеств>, постарайтесь им представиться»²⁶.

* * *

Отношения родителей с сыновьями в семьях Пестелей и Муравьевых-Апостолов складывались по-разному. Дети в обеих семьях восприняли совет быть патриотами: и Павел Пестель, и Матвей и Сергей Муравьевы-Апостола прошли и Отечественную войну, и заграничные походы. Однако в отношении к воюющим детям снова проявилась и разность характеров родителей, и разность в их отношениях к детям. Иван Борисович искренне переживал за сына, в составе гвардейского Литовского полка участвовавшего в Бородинской битве. После сражения Павел

---

²⁴ Там же. С. 36, 40.

²⁵ Там же. С. 99, 53.

²⁶ Там же. С. 53, 110.

Пестель пропал без вести; родителям сообщили, что он или убит, или тяжело ранен.

«Батюшка, который был так испуган на ваш счет, дрожал всем телом до того, что едва держался на ногах. Он провел две ночи без сна, почти не ел, его глаза то и дело наполнялись слезами», – впоследствии сообщала сыну мать. Информация о смерти Павла оказалась ложной: он был тяжело ранен, подобран на поле битвы, отвезен в Москву, а оттуда, при эвакуации города, – в Калугу.

«Если вы можете держать перо в руке, дорогое дитя, напишите нам два слова и удостоверьте нас в своем существовании. Бог мой. Бог мой. Смилуйся над нами и над нашим обожаемым ребенком!!!, ваша бедная мать крайне обеспокоена отсутствием известий от вас. Она спрашивает меня об этом каждую минуту, и заметно, как она чахнет, думая о вас. Одно-единственное известие о вашем существовании вернуло бы покой нашим душам», – писал генерал-губернатор сыну²⁷. Родители искали сына, в поисках участвовали многие знаменитые в России люди. В итоге Павла смог найти посланец графа Алексея Аракчеева [Киянская 2002, с. 56–62]. Иван Матвеевич Муравьев-Апостол вел себя с детьми не так, как Иван Борисович. После смерти первой жены он женился вторично, брак был счастливым, в нем снова родились дети – и старшим сыновьям родительского внимания почти не доставалось. Зато патетики – в том числе и в связи с участием сыновей в военных действиях – в рассуждениях Ивана Муравьева-Апостола было предостаточно. В 1814 г. он писал Гавриле Державину, что хочет «вырастить» «детей, достойных быть русскими, достойных умереть за Россию»²⁸.

Старшие сыновья Ивана Матвеевича давно воевали; Матвей за год до написания письма был тяжело ранен под Кульмом. Конечно, они уже не нуждались в «выращивании» и сами были готовы «умереть за Россию». Третий сын, Ипполит, тогда девятилетний, в «выращивании» как раз нуждался – но отец предпочел устраниваться от его воспитания. Четвертый сын, Василий, рожденный во втором браке, появился у Ивана Матвеевича через три года после написания письма. Когда же уже после войны Матвей собирался поехать к Кавказским водам лечить рану, поездка не состоялась. Иван Матвеевич «не отпустил его на Кавказ», очевидно, не дав денег на поездку²⁹.

Финансовый вопрос в семьях решался по-разному. Старший Пестель сколько мог помогал детям деньгами, сыну Павлу

---

²⁷ Там же. С. 73, 70, 71.

²⁸ *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. 6. С. 298.

²⁹ *Муравьев Н.М.* Письма декабриста: 1813–1826 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 117.

назначил содержание по тысяче рублей «каждые четыре месяца»³⁰. Когда финансы не позволяли Ивану Борисовичу прислать деньги – он просил Павла занять их у знакомых и переписать этот долг на него³¹. Иван Матвеевич же был скуп: женившийся вторым браком «на целой житнице»³², он тем не менее старался денег сыновьям не давать. Между тем «совершенное безденежье» «принуждало» Сергея постоянно просить отца о «подкреплении», в его письмах финансовый вопрос – один из весьма болезненных. В 1821 г. Сергей дважды получил от отца 100 рублей – и за это горячо благодарил его в письмах³³. Матвей же, от полного безденежья продавший в 1822 г. без ведома отца «свою верховую лошадь, ружья» и «личные вещи», заслужил гневную отповедь Ивана Матвеевича³⁴. Однако карьеризм Ивана Борисовича, как и скупость и лицемерие Муравьева-Апостола-отца, не привели их к конфликту с детьми. Более того, в детях-декабристах воплотились черты отцов, «пример отца» сильно повлиял на формирование их характеров.

Павел Пестель характером был в Ивана Борисовича. Отзывы о нем современников почти столь же резки, как и о генерал-губернаторе. И декабристы, и те, кто декабристами не был, считали, что его «образ действий» «возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею не совместимые», а его «душа и правила» были «черны, как грязь»³⁵. Ради достижения новой должности он мог поставить на карту свою репутацию, как, например, произошло в 1821 г. Будучи посланным собирать сведения о восстании греков против турок, он составил донесение, согласно которому это восстание было делом рук всеевропейского тайного общества. И донесение это сыграло не последнюю роль в том, что император Александр отказал восставшим в помощи (см. об этом: [Киянская 2002, с. 128–140]). После этого в армии его стали считать «шпионом гр<афа> Аракчеева»³⁶.

---

³⁰ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 129.

³¹ Там же. С. 115, 154 и сл.

³² Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989. С. 104.

³³ «Ваш покорный сын»: Письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу, 1821–1823. М.: РГГУ, 2022. С. 132–133, 150, 179.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 1. С. 229; Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. 78. С. 45.

³⁶ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 238.

Однако в ноябре того же года он получил чин полковника и должность командира Вятского пехотного полка. В своем стремлении довести полк до желаемого совершенства командир вятцев брал уроки у генерала С.Ф. Желтухина – известного всей армии фрунтовика и палочника, изобретателя учебного «желтухинского» шага. Генерал, по просьбе полковника, лично осматривал полк – и в итоге на Высочайшем смотре 1823 г. полк Пестеля оказался одним из лучших [Киянская 2002, с. 198–199].

С.Н. Чернов – не без оснований – дал декабристу следующую характеристику: «Таков был в личных отношениях Пестель: уверенный в своем превосходстве, очень – даже мелочно – самолюбивый, – безжалостный к другим в столкновении или споре, но требующий к себе очень терпеливого отношения, при этом очень неразборчивый в средствах и неискренний, словом, чрезвычайно трудный человек... Тяжелый честолюбец, о котором знали, что он службою ориентируется то на ненавидимого современниками временщика Алексея Аракчеева, то на либерального генерала, начальника штаба 2-й армии Павла Киселева» [Чернов 2004, с. 134].

Иван Муравьев-Апостол больше других детей любил среднего сына Сергея: старший, Матвей, с отцом конфликтовал и был человеком неуживчивым, младший, Ипполит, взрослым так и не стал, погибнув в 20 лет. Внешними проявлениями Сергей – дипломатичный, литературно одаренный, либерально настроенный, не любивший споров и конфликтов – был похож на отца. Современники сенаторского сына любили: называли «другом человечества», обладавшим «высокой и благородной душой» и «благородным характером»; при этом, по их мнению, он был «чужд всякой жестокости»³⁷. Знаменитый отзыв о Сергее Муравьеве-Апостоле принадлежит Льву Толстому, считавшему декабриста «одним из лучших людей того, да и всякого времени»³⁸. Он тоже умел делать карьеру, договариваться с начальством – даже с таким, которое явно не сочувствовало либеральным веяниям. Командуя ротой в гвардейском Семеновском полку, он был в хороших отношениях с печально знаменитым Федором Шварцем, из-за зверств которого в конце 1820 г. произошли волнения среди солдат. Переведенный на юг

³⁷ *Андреевич Я.М.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 387; *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. С. 27; *Горбачевский И.И.* Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 37, 92; *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 179.

³⁸ *Толстой Л.Н.* Стыдно // Толстой Л.Н. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1964. Т. 16. С. 449.

после Семеновской истории, став подполковником Полтавского, а затем Черниговского пехотного полка, Сергей Муравьев-Апостол был на хорошем счету у корпусного командира генерала Логгина Рота, имевшего репутацию неуравновешенного человека и жестокого командира [Киянская 2023, с. 256–257, 263, 280].

Умел Сергей Муравьев-Апостол и лицемерить: отцу в 1823 г. объяснял, что получает удовольствие, «изливая душу» на груди отца, готов слушать и принимать «полезные» отцовские наставления³⁹. Между тем время, когда ему действительно тяжело было обходиться без отцовских советов, прошло: жизнь свою декабрист строил, на отца не оглядываясь. Один из самых интересных вопросов повседневной жизни декабристов – вопрос о том, каким образом повлиял «пример отца» на мировоззрение детей.

По мнению С.Н. Чернова, Павел Пестель как радикальный революционер сформировался во многом вследствие карьерных неудач Ивана Борисовича. Чернов предложил искать истоки радикализации взглядов декабриста не столько в чтении французских книг и журналов и в исторических аналогиях, сколько в его «настроениях», «субъективной стороне сознания», и прежде всего в «глубоком личном потрясении». Историк считал, что этим потрясением, «ударом», который имел «сокрушительный характер» и отличался «катастрофической внезапностью», была отставка Ивана Пестеля с генерал-губернаторской должности, последовавшая в марте 1819 г. [Чернов 2004, с. 103, 107–108]. Иван Пестель надеялся оправдаться хотя бы в глазах императора, тем более что его личное участие во взятках и коррупции доказать так и не удалось. Но оправдание не входило в планы его могущественных придворных врагов, и прежде всего отказавшего в покровительстве графа Аракчеева. В столицу «хлынули» страшные слухи – обидные, уничтожающие старого Пестеля как человека и администратора. Естественно было ожидать, что император властным словом приостановит их растущий поток; но он, внешне сохраняя вежливость к старому слуге, оставался в стороне от него безмолвным слушателем обвинений и сплетен и холодным зрителем начавшейся торопливой, потому что была долгожданной, расправы. Иными словами, император предал своего верного слугу.

В итоге «катастрофа отца», по словам Чернова, «была должна произвести» на сына очень сильное впечатление. И она произвела его. Но чувство, которое испытывал под ударом отцовской катастрофы Пестель, было не только скорбью о нанесенной отцу обиде. Нет, сколько мы знаем характер Пестеля, можно догадываться, что,

---

³⁹ «Ваш покорный сын»... С. 237.

узнав о беде отца, он пережил бурю личного негодования к императору и его советчикам. Можно думать, что именно отсюда и идет то тяжелое чувство к императору, которым позже всегда полон Пестель... В его глазах император Александр естественным образом очень быстро приобретает характер несправедливого гонителя семьи [Чернов 2004, с. 107–109].

Зимой 1820 г. Павел Пестель заявил о себе как о крайнем радикале, безусловном стороннике царубийства: в ходе совещаний Коренного совета Союза благоденствия настоял на формальном голосовании «таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: монарха или президента»⁴⁰.

Павел Пестель настаивал, что республиканское правление было принято почти «единогласно» и что именно с этого момента целью Союза благоденствия стала ликвидация русской монархии⁴¹. В январе 1822 г. Иван Пестель перестал быть сенатором и членом Государственного совета. Обремененный долгами, он вынужден был покинуть столицу и со всем семейством отправился в деревню Васильево Смоленской губернии, разоренное войной небольшое имение жены. А его старший сын вскоре стал убеждать товарищей в необходимости смерти не только императора, но и всей его семьи, и задумался об «обреченном отряде» лиц, формально не состоящих в обществе, которые должны будут убить императора. Когда Иван Матвеевич Муравьев-Апостол попал в опалу, его сыновья Матвей и Сергей были маленькими детьми – и потому об их реакции на эту опалу судить сложно. Однако из переписки Сергея с отцом следует: и для него Иван Борисович, при всем эгоизме, скупости и страсти к «наслаждениям», вовсе не был врагом. Отцу он повествовал о своем душевном состоянии, с отцом обсуждал прочитанные книги, делился рассказами о службе. Именно отцу сын изложил жизненное кредо, которым он руководствовался на последних этапах существования заговора декабристов.

В середине мая 1821 г. он писал Ивану Матвеевичу, что, по его мнению, люди «делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие – быть ведомыми»; вторую категорию он характеризовал как «стадо баранов». Идеалом же для тех, кто «рожден управлять», он считал ветхозаветного пророка Моисея: «Чтобы управлять людьми, надо поступать, как Моисей; после беседы с ним на горе Синай Бог украсил его голову двумя сверкающими лучами – вот и Моисей». Но поскольку посредственность не хочет

---

⁴⁰ *Пестель П.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 101–102.

⁴¹ Там же.

признавать превосходства избранных, «случается так, что в царстве слепых одноглазые – короли»⁴².

Уверовав в свою теорию и в себя – избранного, «рожденного управлять», Сергей Муравьев-Апостол соотнес ее со своими политическими воззрениями. Цели – политического преобразования России – он хотел достигнуть как можно скорее.

«Я, – показывал он на следствии, – предлагал начатие действия, явным возмущением отказавшись от повиновения, и стоял в своем мнении, хотя и противопоставляя мне все бедствия междоусобной брани, непременно долженствующей возникнуть от предлагаемого мною образа действия»⁴³. Царевубийство как метод действия заговорщиков Муравьев-Апостол поначалу отвергал, но потом и он согласился с неизбежностью этой меры.

* * *

Между отцами и детьми в семьях Пестелей и Муравьевых-Апостолов существовали и серьезные разногласия. Касались они, в частности, вопросов веры. В этих вопросах ни Павел Пестель, ни Сергей Муравьев-Апостол отцам не следовали. Протестантская семья Пестелей была глубоко религиозной. Религиозность была основой мироощущения Пестеля-отца: «Вера истинного христианина есть величайшее счастье не только в этой, но и в той жизни... Ничто не может сравниться с приносящим счастье чувством истинного христианина, когда оный в уголке своей квартиры дает о себе отчет Творцу, когда потом обретают утешение и мир его удрученная душа и тревожная совесть. Всевышний есть единственное утешение и прибежище для тех, кто нуждается в утешении и поддержке. Только одна эта вера дает истинную твердость и единственное надежное счастье, каким можно наслаждаться в этом мире, а после еще и в ином»⁴⁴.

Как известно, у его сына Павла отношения с религией были сложными. По собственному признанию декабриста, он «всегда вполне верил в Бога, Создателя нашего», однако его вера в «Иисуса Христа была слабее»⁴⁵. Его религиозные воззрения выражены в знаменитом «парадоксе Пестеля», записанном в апреле 1821 г. Александром Пушкиным: «*Mon cœur est matérialiste... mais ma raison s'y refuse*» («Сердцем я материалист, но мой разум этому противится»)⁴⁶.

⁴² «Ваш покорный сын»... С. 79, 94.

⁴³ *Муравьев-Апостол С.И.* Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 278.

⁴⁴ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 45, 112.

⁴⁵ Там же. С. 25.

⁴⁶ *Пушкин А.С.* Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. С. 14.

«Сердце» лидера антиправительственного заговора не нуждалось в утешениях, а вот «разум» не мог объяснить существование мира вне божественного начала. «Материалистическое» отношение к религии старшего сына неоднократно было причиной недовольства его родителей. Матери он в 1823 г. написал, что «Всевышнему недостало его могущества, чтобы сделать нас счастливыми». Она горячо возражает сыну: «Какое утешение может предложить мне атеист? Отчаяние, насмешку или пистолет? Вот оружие!.. Знает ли атеист религиозное смирение, которое, давая *покой, мужество и надежду*, делает счастливым человеком того, кто сражен невезеньем и людской несправедливостью!»

Спор этот завершен не был: из тюрьмы Павел Пестель написал родителям, что «обрел» наконец настоящую веру, «и вера в нашего Спасителя составляет теперь» его «счастье и утешение»⁴⁷. Однако, согласно воспоминаниям православного священника Петра Мысловского, духовника православных декабристов, от предсмертной исповеди Пестель отказался. И пришедший напутствовать его лютеранский пастор был вынужден «оставить жестокосердного»⁴⁸. Отец Сергея Муравьева-Апостола, Иван Матвеевич, конечно, не был атеистом. Однако в религиозных утешениях он не нуждался, религия же ему была интересна как доказательство вполне земных истин. Рассуждая, например, о философии, Муравьев-Апостол постулировал, что она, как и всякая другая наука, «основана на естестве человека, разумом от Бога одаренного. Развитие же разума ничто не может останавливать по той единственно причине, что ничто не может противиться воле Создателя». «Истинный философ», по его мнению, «есть истинный христианин, коему откровение не воспрещает употребления умственных сил его, но служит как аромат, предохраняющий науки от порчи»⁴⁹.

Вера, по мнению автора «Писем из Москвы в Нижний Новгород», необходима для существования государства, ибо без веры общество человеческое, как бы оно сильно ни было, долго существовать не может. Французы, отступившие от религии, погубили свое государство: «Не пройдет целого века, и французская нация исчезнет!» Россия же, напротив, «как скала гранитная непоколебима, доколе пребудет верна Богу и себе!»⁵⁰

⁴⁷ Из бумаг П.И. Пестеля. С. 267, 268, 25.

⁴⁸ *Мысловский П.М.* Из воспоминаний // Декабристы в воспоминаниях современников. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 309.

⁴⁹ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 182, 184.

⁵⁰ Там же. С. 182, 184, 8, 6.

Н.Я. Эйдельман, характеризуя взгляды Ивана Матвеевича, верно отмечал, что он, «старый эпикуреец», соблюдал обряды и требовал их соблюдения от семьи «скорее для того, чтобы не совсем офранцузиться, сохранить русское начало» [Эйдельман 1975, с. 150].

Такое отношение к религиозным проблемам было неприемлемым для его сына Сергея. Впрочем, и его вера была особой: убеждения радикального революционера он соединял с традиционным для Александровской эпохи мистицизмом. Для агитации среди сторонников он использовал, в частности, ветхозаветную «Книгу Сирахову», в которой речь шла и о том, что у человека есть свобода воли и свобода выбора: «Господь от начала сотворил его и оставил в руке его произведения его. Если хочешь, соблюдеши заповеди и сохраниши благоугодную верность... Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему» (Сирах 15: 14–17).

Эти истины вполне гармонировали с представлениями Сергея Муравьева-Апостола о себе как об избранном, рожденном вести за собою других. И в написанном им впоследствии «Православном катехизисе», прочитанном в конце декабря 1825 г. перед восставшим Черниговским полком, были строки о том, что «всем чистым сердцем» следует «взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя Господне»⁵¹.

Веру подполковника в себя как в «глаголящего во имя Господне», «избранного», решившегося подвизаться «за истину до смерти» (Сирах 4: 32) и пожертвовать жизнью за других, не смогли поколебать ни разгром восстания Черниговского полка, ни ранение на поле боя, ни тюрьма, ни ожидание смертной казни. На допросе подполковник заявил, что «намерение свое продолжает почитать благим и чистым, в чем Бог один его судить может», а отцу написал: «Я много надеюсь на милость Господа, который читает в сердцах и не может осудить меня за чувства моего сердца».

Те же идеи лежат в основе его «тюремного дневника», брату же Матвею перед казнью он рассказывал о собственной «уверенности», что его «жертва» «не отвергнута» Христом⁵². Но главный разлом,

⁵¹ *Муравьев-Апостол С.И.* Следственное дело. С. 254–255.

⁵² Журналы и докладные записки Следственного комитета // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1986. Т. 16. С. 158; *Муравьев-Апостол С.И.* Письма // Русский архив. 1887. № 3. С. 320; *Он же.* Письмо к отцу от 21 января 1826 г.: Предсмертные размышления: Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 51–52, 53.

предопределивший конфликт отцов-сановников и их детей-декабристов, заключался, конечно, в ответе на вопрос о возможности революционного переустройства Российской империи. В семьях монархически настроенных сановников выросли дети-республиканцы. Вполне естественно, что ни старший Пестель, ни старший Муравьев-Апостол не были посвящены в тонкости двойной жизни детей. Однако родители Пестеля, внимательно следившие не только за карьерой, но и за образом мыслей сына, знали о Павле гораздо больше, чем наслаждавшийся жизнью и карьерой старший Муравьев – о своих детях.

Осенью 1822 г. Пестель-старший предупреждал сына, что во 2-й армии, в которой сын служит, много «злонамеренных людей». Таких людей, по мнению Ивана Борисовича, нужно избегать «как демонов, несущих непоправимое зло и частное, и общее». Отец просил Павла «охранить» от влияния «демонов» младшего сына Александра, делавшего первые шаги в службе: «Охраните его, дорогой Павел, от этой всеобщей заразы из-за нравственной испорченности, достигшей, кажется, предела».

Не только отец, но и мать Павла Пестеля искренне ненавидела «демонов». Она предостерегала сына: «Как бы я скорбела, если бы должна была предположить, что когда-либо один из моих сыновей мог оказаться в числе так называемых *либералов*, что вообще, и особенно у нас, есть синоним поджигателя». Мать была уверена: человек «не призван менять лицо империй», «превыше его разума предвидеть ужасные следствия, какие может иметь минута увлечения», а «творить добро» вполне возможно «в том кругу действий», куда человек «помещен Провидением». Она убеждала Павла: «Хорошо служить отечеству и государю, исполнять обязанности гражданина, человека и христианина достаточно, чтобы наполнить существование человека добродетельного и благочестивого так, чтобы он мог со спокойствием ожидать минуты, когда будет призван пред вечным судьей»⁵³.

Иван Муравьев-Апостол, в отличие от родителей Пестеля, был либералом – но постольку, поскольку либерализм был в моде, поддерживался «общественными мнениями» и не мешал его собственному благополучию. В отношении же «демонов» и «поджигателей» он был почти столь же категоричен: утверждал, что в России «не было революции и не будет ее, потому что народ наш одарен лучшею философией – здравым смыслом, который беспрестанно твердит ему, что он под отеческим правлением благоденствует и что от добра добра не ищут. А если бы и случилось немного воспа-

⁵³ Из бумаг П.И. Пестеля. С. 257, 344.

ленных мозгов, то что они значат? они одиноки, они отверженные, они ни одной точки соединения с целым обществом не имеют; да такое заблуждение их не есть, так сказать, домашнее: оно ввезено, как моды, и так же преходяще, как они», – развивал свою мысль Иван Матвеевич⁵⁴. Сергей же Муравьев-Апостол вовсе не считал российских революционеров, в том числе себя и братьев, одиноками и отверженными и не собирался жить по пословице «от добра добра не ищут». По его мнению, источниками «революционных мнений в России» были «трехлетняя война, освободившая Европу от ига Наполеонова, введение представительного правления в некоторые государства; сочинения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху и читаемые с жадностью молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств».

Убеждение Сергея Муравьева-Апостола заключалось в том, что распространение революционных мыслей «следовало обыкновенному и естественному порядку вещей»⁵⁵. Павел Пестель же, оказавшийся главным «демоном» и «поджигателем», объяснял родителям: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое Отечество, я желал его счастья с энтузиазмом, я искал этого счастья в замыслах, которые побудили меня нарушить мое призвание и ввергли меня в ту бездну, где нахожусь теперь»⁵⁶.

На следствии он показывал: «Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей», он рассуждал о будущем республиканском правлении, то, представляя себе живую картину всего счастья, коим бы Россия, по нашим понятиям тогда, пользовалась, входили мы в такое восхищение и сказать можно восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей»⁵⁷.

* * *

«Быть виновником бытия не есть достоинство перед богом и людьми; но принять младенца из рук матери в минуту его рождения, от колыбели до зрелых лет служить ему защитой и опорой, передать ему в наследие имя, звание, сокровища, землю, праятцами

---

⁵⁴ *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. С. 185.

⁵⁵ *Муравьев-Апостол С.И.* Следственное дело. С. 273.

⁵⁶ Из бумаг П.И. Пестеля... С. 25.

⁵⁷ *Пестель П.И.* Следственное дело. С. 91.

возделанную: вот обязанность отца. Благодарность есть обязанность детей. На подобных взаимных обязанностях основано все благосостояние общества. Все основания его суть добро, и чем более добра, тем тверже его основание, ибо одно добро имеет здесь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояние», – утверждал поэт Константин Батюшков, дальний родственник и близкий друг Сергея Муравьева-Апостола⁵⁸.

С точки зрения морали Батюшков, конечно, был прав. Он не учел только одного: взаимные обязанности отцов и детей рушатся в эпохи общественных кризисов, когда количество «зла» в государстве и обществе превышает допустимую норму. Одна из таких переломных эпох наступила в середине 1820-х гг. Столь явного разрыва между отцами и детьми могло не быть, если бы в России «водилось» «хоть сколько-нибудь свободы теснения, хоть сколько-нибудь гласности», а «частное лицо» могло бы «передать печатно и устно свои убеждения по делу общественному». Между тем, по меткому замечанию декабриста Андрея Розена, Россия представляла собою царство «несправедливости, своевластия, притеснения со стороны правителей», а законы «подчинены были неограниченной власти государя». «Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!» – именно в этом, согласно Розену, видел причины возникновения заговора декабристов Николай Карамзин⁵⁹.

«Дух преобразования», заставляющий «умы клокотать»⁶⁰ (выражение Павла Пестеля), сформировал поколение, совершенно непохожее на предыдущее. Бесправие всех сословий перед лицом высшей власти с одной стороны и нежелание прошедших войну офицеров жить в таком обществе – с другой вызвали к жизни феномен декабристов. При этом разность условий воспитания, отношения в семьях, характеры имели второстепенное значение: воспитанные по-разному, Павел Пестель и Сергей Муравьев-Апостол вместе погибли на виселице. Литература же еще несколько десятилетий не видела конфликта поколений. Прозрение наступило позже, на новом сломе эпох, в середине 1850-х гг. – и только тогда описание этого конфликта стало для литераторов традицией.

⁵⁸ *Батюшков К.Н.* О лучших свойствах сердца // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 176.

⁵⁹ *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 183–184.

⁶⁰ *Пестель П.И.* Следственное дело. С. 105.

Литература

- Киянская 2002 – *Киянская О.И.* Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
- Киянская 2023 – *Киянская О.И.* «Люди двадцатых годов»: Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.
- Сокольский 1963 – *Сокольский Л.А.* К московскому периоду жизни М.И. Муравьева-Апостола // *Декабристы в Москве: Сб. статей.* М.: Московский рабочий, 1963. С. 248–257.
- Чернов 2004 – *Чернов С.Н.* Павел Пестель. СПб.: Лики России, 2004. 304 с.
- Эйдельман 1975 – *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 365 с.

References

- Chernov, S.N. (2004), *Pavel Pestel* [Pavel Pestel], Liki Rossii, Saint Petersburg, Russia.
- Eidelman, N.Ya. (1975), *Apostol Sergei* [Apostle Sergei], Politizdat, Moscow, USSR.
- Kiyanskaya, O.I. (2002), Pavel Pestel': oftser, razvedchik, zagovorshchik [Pavel Pestel. Officer, scout, conspirator], Parallels, Moscow, Russia.
- Kiyanskaya, O.I. (2023), “*Lyudi dvadtsatykh godov*”: *Dekabrist Sergei Murav'ev-Apostol* [“People of the twenties”. Decembrist Sergei Muravyev-Apostol], RIPOL Classics, Moscow, Russia.
- Sokolskii, L.A. (1963), “On the Moscow period of life of M.I. Muravyov-Apostol”, *Dekabristy v Moskve: Sbornik statei* [Decembrists in Moscow. Collected articles], Moskovskii Rabochii, Moscow, USSR, pp. 248–257.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); 51/21, Nakhimovskii Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru